

сты признают социальную природу науки, но имеют значительные сложности в логически последовательном рассмотрении независимости бытия объекта научного познания.

С другой стороны, приверженцы эмпиризма практически не оставляют места социальному измерению научной деятельности и не обосновывают независимость бытия объекта научного познания. В лучшем случае они ограничиваются видением реальности как потока «поверхностных» событий и науки как суммирующей записи о них.

Взаимодействие языка и реальности в критическом реализме рассматривается через значение ме-

тафоры, используемой для выражения и описания ненаблюдаемых сущностей и референцию научных терминов.

Представленные выше положения и выводы в значительной степени сформулированы применительно к естественным наукам. Что касается социальных наук, среди представителей критического реализма не наблюдается согласия, которое относительно достигается по поводу естественных наук. В связи с этим возникает особая группа вопросов, которые необходимо рассмотреть отдельно — они не входили в серию задач данного аналитического обзора и будут отражены в следующих публикациях автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
2. Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. Critical Realism: Essential Readings. — London; New York: Routledge, 1998. — 756 p.
3. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. — Abingdon; New York: Routledge, 2008. — 265 p.
4. Bhaskar R. Scientific Realism and Human Emancipation. — Abingdon; New York: Routledge, 2009. — 215 p.

5. Harre R. The Philosophies of Science: An Introductory Survey. — Oxford University Press, 1985. — 203 p.
6. Philosophy of Social Science: the philosophical foundations of social thought / Ed. by T. Benton, I. Craib. — Basingstoke: Palgrave, 2001. — 203 p.

Поступила 23.11.2009 г.

УДК 101.1:316.462:316.422

ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА

Д.В. Чайковский

Томский политехнический университет
E-mail: dnvit@tpu.ru

Рассматривается трансформация понятия «власть» в философии постмодерна. На основе анализа работ Ж. Деррида, М. Фуко и др., показывается смещение акцента с отношений «господство — подчинение» к отношениям «символического принуждения». Раскрывается микрофизика власти в трактовке М. Фуко. Демонстрируются коммуникативные основания власти в современном обществе.

Ключевые слова:

Постмодернизм, власть, деконструкция, М. Фуко, симулякр, коммуникация.

Key words:

Postmodernism, power, deconstruction, M. Foucault, simulacres, communication.

Неявные, скрытые отношения власти стали миссией для критически настроенной французской философии второй половины XX в. и, в целом, для всей постмодернистской культуры. Существует множество взглядов на определение постмодернизма. Ж.Ф. Лиотар так описывал современную культуру: «ты слушаешь рэги и смотришь вестерн, обедаешь в МакДональдсе, а ужинаешь в ресторане, предлагающем местную кухню; в Токио ты пользуешься парижскими духами и одеваешься в ретро-стиле в Гонконге» [1. С. 130]. Сводимость воедино казалось бы несовместимых вещей, эклектичность общей структуры — вот то, что позволяет безошибочно

определять проявления постмодернизма в общей социо-культурной матрице. В литературе, искусстве, философии постмодерна, да и в целом в жизни постмодернистского общества преобладают пластичность, отсутствие фиксированной стилистики и прочих доминант, мозаичность. Вместо застывших форм постмодернизм апеллирует к становлению и динамике, оправдывая тем самым свое определение как культуры информационного общества.

Возникнув на базе постструктурализма и деконструктивизма первоначально в качестве литературного течения (произведения Д. Барта, Х. Кортасара, Х.Л. Борхеса, Т. Пинчона, У. Эко) постмодер-

низм очень скоро получил соответствующее оформление в философской мысли (работы Ж. Дерриды, Ж. Делеза, Ж. Лиотара, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и др.), и в дальнейшем стал осмысляться как выражение «духа времени», пронизывающее практически все сферы человеческой деятельности. Отмечая, что границы постмодернизма продвинулись уже далеко за рамки литературы и искусства, Ж. Лиотар, один из ведущих представителей философии постмодерна, писал, что постмодернизм — это тип чувствования, умозрения.

«Постмодернистская чувствительность», по сути, есть нечто иное, как отражение в человеческом сознании кризисных условий, сложившихся в общественной жизни в последней трети XX в. Как отмечает представитель томской философской школы Г.И. Петрова, этот кризис наступил от того, «что человек ясно, трагически ясно осознал мир, в котором живет, в точности отвечающим его собственному плану; реальность предстала реализацией его же рационального проекта» [2. С. 205]. Сходные явления в культуре множества индустриальных стран оформились в новое представление об окружающей действительности. При чем, эта действительность нередко воспринимается как жизнь в анархии, как жизнь без ценностей, истин и идеалов.

Не смотря на то, что доминантой в исследованиях являлся литературный дискурс, почти каждый французский философ рано или поздно обращался к проблемам власти. Литературный текст экстраполировался на социальное устройство, а отношения, выявленные в знаковой среде, возрождались философией на социальном уровне. Впрочем, как отмечает В. Декомб, «отношение философии к общественному мнению во Франции есть прежде всего отношение к мнению политическому, а уж затем — к мнению литературному...» [3. С. 12].

Проект деконструкции

Наиболее агрессивно борьба с властью, скрытой в языке, была развернута в работах Ж. Деррида, в рамках которых деконструкция метафизических предположений, идущих из древнегреческой философии, повлекла за собой стремление выявить скрытые мифологемы науки, культуры, политики. Изначально ориентированный на литературный дискурс, на выявление в тексте скрытых смыслов, в дальнейшем, проект деконструкции Ж. Деррида стал восприниматься в гуманитарном сообществе как своеобразная методология, как способ акцентуации исследовательской мысли. То, что подразумевает любой текст, в том числе и социальный, не является чем-то окончательным и однозначным. То, что считалось неприкосновенным, в силу своей очевидности, может быть подвергнуто сомнению, деконструировано. Знак не трактуется как нечто очевидное и устойчивое, смысл, ему присущий, подвергается переосмыслению. Как подчеркивал М. Фуко, «...за всем тем, что говорится, можно об-

наружить, как его изнанку, огромное сплетение принудительных интерпретаций» [4].

В широком смысле деконструкция — это способ выявления в постулатах, считающихся однозначно и непреложно истинными, того, что носит искусственный, «субъективный» характер. Или может потенциально носить. По М. Фуко этот «налет» субъективности связан с особенностями конкретной исторической эпохи, которая и формирует существующую систему мышления и правила образования того или иного дискурса (эпистема). Ж. Деррида говорит о наличии в любом тексте (в том числе и социальном) скрытых «спящих смыслов», которые не понимают не только читатели или критики, но и даже сам автор. По сути, эти смыслы представляют собой некие языковые клише, порождающие соответствующие мыслительные стереотипы. Причем каждая эпоха по-разному транслирует смысловую нагрузку этих стереотипов, что в итоге приводит к невозможности, да и бессмысленности однозначного прочтения социального текста.

Ж. Деррида продолжает смещать фокус исследования власти в языковое пространство дискурса. Ничего не существует вне текста, провозглашает он в своей фундаментальной работе «О грамматологии» [5]. Более того, Ж. Деррида объединяет в одном исследовательском поле и существующую реальность (в виде социального текста) и ее интерпретацию (прочтение) индивидом, растворяя тем самым в этом поле и объект и субъект познания. Идеи его деконструкции развивают тезис об отсутствии внешней каузальности (смерть автора). Он также стремится обрушить любую диктатуру, в особенности диктатуру власти автора, как воплощения смысловой власти: книга может быть прочтена различными путями. Она открыта. В ней больше отсутствующего, ненаписанного, чем написанного. Любой ее знак — это цепочка бесконечных референций на отсутствующие элементы текста, на их следы. Смысл изначально находится под влиянием «Различания» — «*Differance*». Поэтому «объективные законы», олицетворяющие внешнюю причинность (авторство), ни что иное как миф, содержание которого может быть по-особому отрефлексировано каждым субъектом. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, т.е. со свержением принудительного порядка социального.

Ж. Деррида стремится сместить центры текста (одним из которых является автор) и разрушить устоявшиеся в нем иерархии. Он приводит в движение цепочки бинарных оппозиций с целью подорвать присущие им смысловые значения. Ж. Деррида считает, что за бинаризмом сокрыты наиболее одиозные проявления власти. Это не просто противопоставление понятий, но и придание «более предпочтительного» статуса одному из них, т.е. доминирование одного значения над другим. Это возвышение субъекта над объектом, мужчины над женщиной, белого над черным и т.д. Деконструкция данных оппозиций, не стремясь совершить пе-

реворот значений, пытается сформулировать, на основе придания равнозначного статуса обеим сторонам данного противостояния, новые смыслы и придать тексту большую открытость.

Т. о. деконструкция, показывая роль языка в формировании стереотипных модусов мышления, разоблачает сконструированность ценностей современной культуры и политики. Ж. Деррида подчеркивал, что ее основная задача – выявление за многими, вроде совершенно очевидными нормами, традициями и правилами, латентных отношений власти, посредством которых оказывается влияние на социальное тело.

Реинтерпретация понятия власть

Деконструкция – это борьба за то чтобы выявлять и подрывать власть там, где она более всего невидима и коварна [6. С. 69]. Но что же такое власть? Что понимать под властью в современном обществе? Как говорит М. Фуко в своем диалоге с Ж. Делезом, «Не хватит ни Маркса, ни Фрейда чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью. Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть? Где она осуществляется?» [6. С. 75]

В ряде своих работ Фуко пытается ответить на эти вопросы. По его мнению, поведение человека полностью подчинено дискурсивным практикам конкретной исторической эпохи, которые, создавая систему предписаний и запретов для производства и комментария дискурсов, обеспечивали надлежащие инвестирование в общественное сознание требуемых языковых клише и, как следствие, реализацию эффективных отношений власти. При этом М. Фуко отказывается от традиционного представления власти в терминах права и институционального подчинения. С его точки зрения власть – это система отношений силы, возникающих в каждой точке социального пространства, это стратегии в которых развиваются эти отношения, это игры, которые их трансформируют.

В силу обращенности власти на саму себя, она не может принадлежать конкретному индивиду или группе. Власть не персонифицирована. Здесь нет ни субъекта господства, ни субъекта подчинения, в отличие, например от монархии, где власть является принадлежностью королевского тела (вспомним высказывание Людовика XIV – «Государство это Я»). Здесь вообще нет субъекта в привычном понимании. Субъект, как и автор, мертв. Скорее власть межсубъектна, так как отражает отношения между людьми. Она определяется «множественными отношениями силы, которые имманентны области, где они осуществляются и которые конститутивны для ее организации» [7. С. 192].

Власть перестает восприниматься в качестве субстанции. Акцент смещается с анализа власти, как некоего институционально выраженного феномена, на исследование отношений власти, движение и видоизменение которых и определяет специфику конкретных взаимодействий индивидов. Поэтому основными ее характеристиками являются дисперсность, противоречивость и разнородность. Власть существует повсюду, и отовсюду исходит. Ее агентами, обеспечивающими дисциплинарный контроль, выступают не только полицейские службы, но и медики, психиатры, учителя и т. д. Другими словами, происходит своего рода рассеивание власти, распределение ее между различными центрами силы. Трансформация, дисперсия власти в микровласть.

Т. е. власть это некий закрепляющий принцип, который фиксирует отношения напряжения и неравенства, возникающие в конкретный момент времени в конкретной ситуации. За ее именем скрывается множественность отношений, не определяемая унифицированной и обобщенной характеристикой. «Власть, – заключает М. Фуко, – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе» [7. С. 193].

Еще более радикальное видение власти предлагает Ж. Бодрийар. Вслед за смертью бога, субъекта, автора он провозглашает смерть власти. «Дело не просто в рассеивании власти, – пишет Ж. Бодрийар, – а в том, что она полностью, пока еще непонятным для нас образом, растворилась, обратившись в свою противоположность, самоустранилась или обрела гиперреальность в симуляции...» [8. С. 40]. Бесплезно рассматривать власть как в терминах желания, так и в терминах подавления. То, что мы принимаем за проявление власти на самом деле есть только фикция, симулякр. И даже М. Фуко, не смотря на всю глубину предложенной им концепции, не смог увидеть главного: в различных проявлениях власти не осталось самой власти.

Ж. Бодрийар критикует позицию М. Фуко, обозначенную в его «Воле к знанию» и «Истории сексуальности». На его взгляд современное смешение власти и знания, власти и секса, очерченное М. Фуко, по сути есть отражение гибели власти, знания и секса. То, что придавало силу этим понятиям, делало их противоположными друг другу, в современной культуре, напротив, приводит к истощению их самости. Рассеянность власти, ее проникновение во все «уголки» социального сравнивается Ж. Бодрийаром с метастазами раковой опухоли, несущей гибель всему социальному телу и одновременно себе самой.

Единственный путь в понимании власти лежит через признание ее обратимости. Обратимость предполагает смывание границ между теми кто властвует и теми над кем властвуют, она вводит запрет на однонаправленность власти, на ее беско-

нечность. В обратимости власти скрывается именно то, что и позволяет ей существовать из века в век — соблазн. Соблазн, в основе которого неукротимое стремление к смерти, к пустоте, к хаосу. Не бесконечность власти, а цикличность, где исчезновение — ключевой виток, превращающий реальность власти в знаки, в симулякр, наконец в «черную дыру» поглощающую все прочие знаки.

Именно подверженность соблазна смерти делает его сильнее власти, которая хочет быть необратимой. Но и власть может соблазнять — соблазнять «преследующей ее обратимостью». «Власть соблазнительна, только когда становится своеобразным вызовом для себя самой, иначе она простое упражнение и удовлетворяет лишь гегемонистской логике разума», — пишет Ж. Бодрийар [9. С. 96].

Власть у Ж. Бодрийара — симулякр, фантом, обманка. Владение властью — владение симулированным пространством. Жажда власти — хитросплетение видимостей возбуждающих и уничтожающих эту жажду. Подобно изображению перспективы в Ренессансе власть иллюзорна и именно в этой иллюзии кроется ее сила. Самые великие политики знали и тщательно хранили этот секрет.

Коммуникация в пространстве властных отношений

Несколько иной взгляд на проблему власти имеют коммуникативные теории, которые, впрочем, также строят свое исследовательское поле вокруг языковой деятельности через применение интересубъективных правил использования языка в социальных практиках. В XX в. коммуникация стала восприниматься как одно из основных конституирующих начал социального бытия. Одним из первых шагов в этом направлении предпринял Л. Витгенштейн, стремившийся очертить, в своих ранних работах, пределы мышления посредством границ языка. Позже, он пытался объяснить коммуникацию посредством языковых игр — переплетение языка и действия, в котором язык себя проявляет. Соответственно Л. Витгенштейн продемонстрировал ситуативность языка, его вариативность и зависимость от контекста словоупотребления, задав направление для дальнейшего философского исследования коммуникации.

Дальнейшее развитие эта идея получила в работах немецкого философа К.-О. Апеля. В предложенной Апелью трансцендентально-герменевтической концепции языка процесс понимания возможен только в границах коммуникативной связи субъекта и сообщества. В этом пространстве посредством прагматической аргументации говорящих происходит смысловая трансляция высказываний и как следствие достижение согласия. При этом К.-О. Апель предполагает существование идеального коммуникативного сообщества, которое как возможность присутствует в реальном, и в котором адекватно понимаются смыслы любых высказываний. Принятия участниками коммуника-

ции подобного априори выступает своего рода регулятором аргументационного процесса, который сохраняет смысл языковых игр.

Другой немецкий философ Ю. Хабермас также неоднократно подчеркивает зависимость бытия социума от характера языковой деятельности — ведь любая социальная деятельность это, прежде всего, деятельность понимания. Коммуникация, как считает Ю. Хабермас, должна носить рациональный характер, благодаря которому участники интеракции достигают согласованного консенсуса и отказываются от субъективно основанных утверждений. Потому основную роль в достижении взаимопонимания Ю. Хабермас отводит аргументации, в процессе которой говорящими обосновываются выдвинутые в высказывании претензии на значение. В ней он видит способ рационального и как следствие единственно законного способа достижения консенсуса, возникающего в результате интересубъективного признания этих предъявленных претензий. Т. е. аргументация в концепции Ю. Хабермаса противопоставляется силовому варианту достижения согласия, а рациональность по сути приводит к нивелированию отношений власти, явно или скрытно существующих в акте коммуникации.

Коммуникация и власть — два понятия, интерес к которым явился определяющим для оформления образа современного философского дискурса. Коммуникация сегодня рассматривается как борьба за власть. Язык — регулятор коммуникации — современные философы, в частности Адорно, Деррида, Кристева, Лиотар и др., воспринимают как орудие господствующей идеологии, направленное на укоренение властных отношений. Притязания на значимость каких-либо норм или истин не могут быть рационально обоснованы. Истина и норма становятся следствием борьбы за власть, они не верифицируются, а предопределяются результатами этой борьбы. Поэтому язык, по сути, представляет собой пространство непрерывной битвы, в котором различные дискурсы борются за выживание (Ж. Лиотар).

Интерпретация коммуникации в контексте властных отношений стала возможна благодаря смене представлений о сущности и природе власти. В рамках тех взглядов, которые принято относить к философии постмодерна, власть уже не может рассматриваться как институциональный феномен. Скорее отмечается процессуальный, интересубъективный характер властных отношений. Подчеркивается, что власть не является собственностью индивида, в отличии, например от материальных благ. Напротив она существует лишь в форме коллективного взаимодействия и лишь в пределах жизни данного коллектива (Х. Аренд), или в форме «системы отношений силы» (М. Фуко).

Неудивительно, что в свете подобных интерпретаций коммуникации стала отождествляться с властью. Причем отождествляться на столько, что иногда не представляется возможным отделить одно от другого. Любое высказывание, любой акт коммуникации могут искажаться явными или латентными

механизмами власти. Невозможна коммуникация, в которой «игры истины» не опосредуются властью. Не только коммуникация опосредует властные отношения, но и власть имплицитно существует в пространстве социальной коммуникации. Власть создает для нее русло и определяет ее течение.

Коммуникация погружена в пространство властных отношений. В этом ракурсе аргументированный консенсус Ю. Хабермаса и предполагаемая им идеальная речевая ситуация выглядят утопией (что неоднократно отмечалось представителями французского постмодернизма). Но насколько этот факт критичен? Думается, что правы те исследователи, которые вслед М. Фуко подчеркивали, что отношения власти, пропитывающие коммуникацию, не являются неким злом. Скорее надо воспринимать их как некую данность, как необходимый атрибут совместного человеческого существования, от которого невозможно освободиться, и потому постараться обеспечить себя необходимым правовым, этическим, моральным и прочим инструментарием, который позволит свести проявления власти к минимуму.

Выводы

Власть постмодернистского общества уже не та власть, о которой рассуждали Платон, Макиавелли, Гоббс, Маркс и прочие. Эта власть иначе заставляет человека подчиняться. Власть скрывается там, где ее по определению быть не должно. Подчинение не воспринимается как насилие. Оно мыслится как нечто естественное и необходимое. Это «символическое» принуждение, это навязывание определенного типа поведения, определенного способа существования, и более того, определенного стиля мышления. То, что объявляется нормальным (нормой/истинной), в ретроспективе базируется на экономически выгодных, властных интересах. В итоге, власть формулирует необходимый код коммуникации, в логике которого и происходит ее интерпретация. С помощью этого кода власть саморепрезентируется, и обеспечивает надлежащее (естественное) понимание себя в обществе. Она предписывает, как ее нужно мыслить (М. Фуко).

Исследование выполняется в рамках гранта Президента РФ № МК-3391.2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 5. – С. 130–141.
2. Петрова Г.И. Актуализация нетрадиционных методологий в современном научном мире // *Методология науки*. – Томск, 1997. – Вып. 2. Нетрадиционная методология. – С. 205–208.
3. Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь мир, 2000. – 344 с.
4. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 21.11.2009).
5. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 540 с.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. – М.: Праксис, 2002. – 312 с.
7. Фуко М. Воля к знанию // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. – М.: Кастанья, 1996. – 448 с.
8. Бодрийар Ж. Забыть Фуко. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 96 с.
9. Бодрийар Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 320 с.

Поступила 22.11.2009 г.